Е. В. ВАСИЛЬЕВА, А. В. КОЗЛОВА

Васильева Елена Владимировна
магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11
Тел.: +7 (812) 328-95-18
E-mail: vasileva.prochtenie@mail.ru

Козлова Анна Владимировна
магистрант, Европейский университет в Санкт-Петербурге
Россия, 191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 3а
Тел.: +7 (812) 386-76-36
E-mail: akozlova@eu.spb.ru

ТУРГЕНЕВСКИЕ ДЕВУШКИ: СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МАНИПУЛЯЦИИ LOCI COMMUNIBUS ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация. Статья посвящена диахроническому исследованию понятия «тургеневская девушка», прочно вошедшего во фразеологический фонд современного русского языка и культуры. Объект исследования — не значение понятия в языке, а процесс его формирования и причины изменений его интерпретации. Авторы обращаются к учебному тексту, а также к окружающему его медийному контексту, чтобы показать, как на протяжении XX в. менялось восприятие героинь романов И. С. Тургенева, вошедших в «золотой фонд» классического литературного наследия. Наблюдая взлеты и падения популярности «тургеневских девушек» за пределами оригинальных художественных текстов, их признание или отрицание, включение в обязательные учебные планы или исключение из них, маркирование как характеров из навсегда отжившего прошлого или, наоборот, злободневно актуальных, авторы приходят к выводу, что динамика толкования этого собирательного образа и социальной памяти о нем подвержена ритмам чередования «культуры-1» и «культуры-2», открытого В. З. Паперным.

Ключевые слова: учебный текст, наследие классики, рецепция литературы, женские образы Тургенева

© Е. В. ВАСИЛЬЕВА, А. В. КОЗЛОВА

Вопрос институализации памяти с помощью учебных текстов актуален не только для школьного курса истории, авторы которого формируют память о «больших событиях» прошлого, но в равной степени и для курса литературы, предлагающего такую интерпретацию классических художественных текстов, которая претендует на исключительную правильность, и тем самым превращающего сюжеты и героев литературных произведений в регламентированное государством культурное знание. В некоторых случаях от учащихся даже не требуется прочтения оригинальных текстов для того, чтобы «увековечить» память об изображенных в них событиях и героях. Именно так произошло с частью литературного наследия И. С. Тургенева: понятие *тургеневская девушка*, ставшее устойчивой номинативной единицей еще при жизни автора и, в терминах миметической теории, «выжившее» в памяти потомков, не имело необходимого иллюстративного материала в школьной программе до конца 1980-х годов. Мы полагаем, что, несмотря на первоначальное формирование этого литературного мема в критической литературе XIX в. и на популярность его в различных плоскостях отечественного культурного поля, решающее значение в консервации и трансформации конструирования «означаемого» этого понятия сыграл советский учебный текст.

Руководствуясь методологией, предложенной Б. В. Дубиным для изучения функционирования классики в культурном пространстве [Дубин 2010], мы попробуем выявить механизмы укоренения и распространения понятия *тургеневская девушка*, а также временны́е рамки смысловых трансформаций толкования и контекстуального окружения этого образа в учебном тексте и в его потенциальных источниках и реципиентах — медийном, литературном и литературоведческом дискурсах. Второй задачей нашего небольшого исследования стала попытка проследить отражение влияния «нормативных» значений, сформированных интерпретациями властных институций, на культурную память рядовых представителей разных поколений.

Материалом для решения первой задачи послужили учебно-методические пособия, научно-популярные издания советских литературоведов, периодика 1920–2010-х годов, ориентированная на подростков художественная литература, экспертные интервью (составившие незначительную долю источников) с педагогами и методистами, а также с экскурсоводами музея «Спасское-Лутовиново» и создателями коммерческих проектов, посвященных *тургеневским девушкам*. Мы обращались также к мемуарным текстам, блогам, предоставляющим некоторые свидетельства рецепции женских образов у И. С. Тургенева, и к массовой литературе. В результате автоматического и ручного поиска[1] нами было отобрано около

[1] Для поиска контекстов мы использовали сервис «Гугл книги» (Books.google.com) и поисково-информационную систему Национального корпуса русского языка, после чего обращались к полным версиям текстов. Кроме того, мы просматривали вручную большин-

200 текстов, созданных за 90 лет. Нас интересовали любые тексты, в которых встречается рецепция тургеневских романов и героинь, а не только содержащие идиому *тургеневская девушка/барышня/женщина*[2]. Так, статья с заглавием «И. С. Тургенев — певец русской женщины» (которое само по себе является цитатой из статьи Н. А. Добролюбова «Когда же придет настоящий день» 1860 г.), напечатанная в журнале «Советская женщина» [Пустовойт 1968], будет привлекать наше внимание не меньше, чем найденные информационно-поисковыми системами вхождения на запрос «тургеневская девушка». В некотором смысле статьям в педагогических журналах, которые могут не содержать искомого словосочетания, но включают абстрактные описания женских героинь Тургенева или их имена, мы будем уделять даже больше внимания, поскольку считаем, что именно они оказали влияние на тот пласт значений, который можно наблюдать в языковом срезе. Иными словами, в статье мы будем рассматривать понятие *тургеневская девушка* не только и не столько как языковую, сколько как социально-педагогическую формулу.

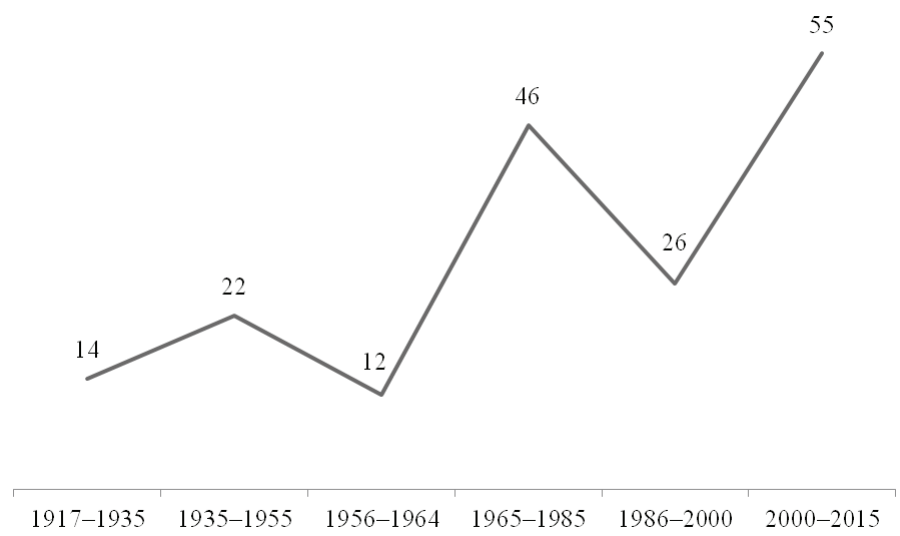
Несмотря на то что так называемые общественно-психологические романы Тургенева всегда оставались на обочине процесса обучения (в рамках школьной программы изучали только совершенно «неудобный» для

ство доступных учебников, программ и методических пособий по литературе до 1991 г. и выборочно — после 1991 г. (рекомендуемых государственными образовательными стандартами). Вручную также были просмотрены тематические статьи в педагогических журналах («Семья и школа» и «Воспитание школьников»), а также в гендерно ориентированной периодике («Крестьянка» и «Советская женщина»). При просмотре мы уделяли особое внимание выпускам, связанным с юбилейными датами писателя (по пятилетиям), когда наиболее вероятно встретить публикацию, посвященную И. С. Тургеневу, разработки уроков по теме его романов и т. д. За добрую часть использованных контекстов нам стоит поблагодарить друзей и коллег, которые делились с нами своими идеями, когда им приходилось сталкиваться с *тургеневскими девушками*. Конечно, ввиду неоднородности источников и несовершенства поиска мы допускаем, что часть важных контекстов осталась вне нашего внимания. Тем не менее мы полагаем, что анализ роста и падения популярности в совокупности с анализом изменения господствующего отношения к понятию даже на основании нашей выборки способен отразить основные тенденции.

[2] До начала XX в. большое распространение в критике имели формулировки *женские типы у Тургенева* (Д. И. Писарев, К. В. Чернышев), *женщины Тургенева* (Алексей Южный (Е. П. Леткова), М. В. Авдеев), довольно поздно появилось наименование *тургеневские женщины* (С. Костямин, В. Л. Марков, Д. Н. Овсянико-Куликовский), которых не сразу отделяли от *девушек*. В начале XX в. в текстах чаще появляются *тургеневские девушки* (так, «знаменитыми девушками Тургенева» их называет В. М. Фишер [Фишер 1920], а Л. В. Пумпянский в 1930 г. сетует, что «один из важных источников сложения “тургеневской девушки” исчез из нашей литературной перспективы» [Пумпянский 2000: 398]). Словосочетание *тургеневская барышня* появляется позже, встречается относительно редко, и в XX в. приобретает специфическую семантическую окраску — вероятно, под влиянием выражения *кисейная девушка/барышня*, негативно окрашенного уже в самом источнике — повести Н. Г. Помяловского «Мещанское счастье» (1861); ср. также одно из значений слова *барышня* — разг. «об изнеженной, не приспособленной к труду девушке» [МАС 1999].

В настоящей работе при поисках контекстов и подсчетах мы учитывали все три варианта: *тургеневская девушка*, *тургеневская женщина* и *тургеневская барышня*.

формирования представления о *тургеневских девушках* роман «Отцы и дети» [Пономарев 2014а]), их воспитательное значение подчеркивалось педагогами на протяжении XX в. с завидной регулярностью. Уже в 1939 г. в типовую программу по литературе за 9 класс составители, говоря о романах Тургенева с заложенной оценочной пресуппозицией, включают формулировку «энергичные и деятельные русские женщины» [Программы 1939: 42–43]. В отчете о школьном диспуте «Какой должна быть советская женщина?», напечатанном в журнале «Советская педагогика» за 1949 г., среди рекомендованной к прочтению литературы, должной помочь «школьницам определить идеал женщины, которому надо во всем следовать» [Ильин 1949: 62], перечислены четыре произведения И. С. Тургенева («Накануне», «Дым», «Ася», «Дворянское гнездо»). С 1957 г. канонический текст советских методических разработок к урокам по Тургеневу обязательно содержит ставшие по сути ритуальной цитатой слова из посмертной публикации дневниковых записей А. А. Фадеева за 1944 г. [Фадеев 1957] о важном педагогическом значении «тургеневской идеализации женственности» ([Моцарев 1959: 80; Голубков 1955: 12–13, Воробьев 1968: 12] и др.). Подобные факты, однако, не могут служить свидетельством того, что героини романов Тургенева всегда были в равной степени беспрекословно чтимы: их место в семиотическом поле советской культуры (даже в такой консервативной среде, как школа) на протяжении XX в. менялось. Можно проследить количественные подъемы и спады упоминаний словосочетания *тургеневские девушки* в печатных источниках: исходя из наших данных, мы построили график, основанный на количественном соотношении употребления понятия *тургеневская девушка* в разные периоды XX в. (см. график).

Динамика популярности образов тургеневских героинь в медийно-образовательном пространстве (175 контекстов, в том числе учебные, публицистические, литературоведческие и художественные тексты)

В то же время на количественные данные, отражающие популярность, накладываются качественные маркеры контекстов упоминаний, свидетельствующих либо о признании авторитета, либо о его оспаривании, о попытке маркировать *тургеневских девушек* как знак прошлого (отжившего или героического) или синхронизировать с настоящим временем. Мы попробуем проследить эту динамику и дать ей объяснения. Далее мы будем придерживаться хронологической логики, обращаясь последовательно к классически выделяемым историческим эпохам, обозначенным на графике.

Если обратиться к первым учебным пособиям советского периода по литературе, можно заметить, что строителей новой системы образования-воспитания скорее интересуют значительно более близкие к народу «тургеневские мужики» [Соколов 1920; Голубков 1928; Феддерс, Цветаев 1930: 62–79], нежели героини романов Тургенева. Непопулярны последние и в раннем советском литературоведении: даже в целом положительный отзыв о творчестве И. С. Тургенева, посвященный его 100-летнему юбилею (1918), содержит критическую оценку *тургеневских девушек* как пережитка старой России:

> Тургеневские девушки все дальше и дальше уходят в прошлое ‹…›, его героини покорялись, поддавались ударам жизни, а не искали своего выхода [Курч 1923: 9].

В публицистике 1920-х годов проясняются причины неприятия *тургеневских девушек* новым обществом:

> …Прежние «тургеневские девушки» стали уж «бабушками», пошли с «чехами» и «колчаковцами», а не с народом. Народ же, в лице передового пролетариата, сам вышел на сцену, сам творит [Ильин 1919: 66].

Как символ безвозвратно утраченного прошлого, противопоставленного аду настоящего, этот образ возникает в стихотворном тексте Саши Черного:

> Тургеневские девушки в могиле,
> Ромео и Джульетта — сладкий бред —
> Легенды и подкрашенные были, —
> Что нам скрывать — давно простыл их след!
> Мир фактов лют: в коннозаводстве красном
> Аборты, сифилис, разгул и детский блуд,
> Статистикой подсчитаны бесстрастной,
> Давно вошли в марксистский их уют… [Черный 1996: 130].

Действительно, имеются свидетельства, что сообщества русских эмигрантов выстраивали свою идентичность через образы тургеневских героинь: в парижском издании «Вестника русского студенческого христианского движения» (1931) находим упоминание о докладе К. Томашевич на тему, какой должна быть дружинница христианского кружка, о ее характере и поведении в жизни:

> Идеалом дружинницы может быть Лиза Калитина, но только дружинницы должны быть активнее и иметь обязательно какое-нибудь конкретное дело [Третья конференция 1931: 31].

На страницы учебного текста *тургеневские девушки* попадают лишь к середине 1930-х годов — ко времени выхода первого советского унифицированного учебника по литературе [Абрамович и др. 1935] (см. о нем: [Пономарев 2010]). Мы полагаем, что причина, по которой *тургеневские девушки* оказались востребованными в учебном тексте, — отчасти косвенная: обязательным (исторически легитимирующим революцию) пунктом школьной программы стала революционно-демократическая критика середины XIX в., например статьи Чернышевского и Писарева. Упоминаемые в них произведения Тургенева и их герои, таким образом, опосредованно входили в состав канонического знания. Положительная оценка, даваемая *тургеневским девушкам* одними из немногих «своих» критиков дореволюционной эпохи, поставила перед советскими методистами (и представителями других «ответственных» за формирование фонда классического наследия институций — литературоведов, писателей, издателей и журналистов) задачу конструирования «героичности» тургеневских героинь.

Напомним, что появлению учебника сопутствуют педагогические дискуссии о значении слова *герой*, сводящиеся к тому, что настоящий герой должен непременно обладать чертами либо выдающимися, либо типическими, либо выдающимися и типическими одновременно (см. об этом: [Розенблюм 2013: 135]). В соответствии с этой установкой «советизация» *тургеневских девушек* осуществлялась несколькими путями: для начала было необходимо вписать их в пантеон революционных борцов, а следом — превратить в трансляторов норм поведения, т. е. сделать ориентиром для старшеклассниц в повседневной жизни и для молодых людей в поисках искомого идеала. Так, новая формация тургеневских героинь уже не могла быть просто частью «прошлого», они должны были стать частью истории, определяющей и регулирующей настоящее. Этому во многом способствовала господствовавшая на уроках литературы в школе 1930-х годов методика «наивного реализма» [Пономарев 2010], заставляющая размышлять об актуальности каждого анализируемого явления художественных текстов «в наши дни».

Творцы нового литературного пантеона находят место *тургеневским девушкам* среди предвозвестников революции, которую И. С. Тургенев, «сам того не желая», приближал:

> …Наш народ с любовью и признательностью обращается к Тургеневу, писателю, сумевшему в мрачную эпоху 60-х, 70-х гг. разглядеть в русской женщине те прекрасные черты и свойства, которые уже тогда толкали ее на протест, вели борьбу против самодержавия [Ивановский 1938: 53].

Авторы советских методических пособий обнаруживают в тургеневских романах незамысловатую эволюцию «вовлечения женщины в общественную борьбу»:

> Наталья [из романа «Рудин»] — еще только стремящаяся к общественной деятельности, Елена [из романа «Накануне»] — уже нашедшая себе полезное дело, но пока еще на чужбине и Марианна [из романа «Новь»] — участница русского революционного движения [Голубков 1955: 142].

Эта стадиальность становится общим местом десятков учебно-методических разработок, причем иногда в ней находится место и Лизе (между Натальей и Еленой), «протест которой пока пассивен» [Свободин 1961: 30], и даже Асе (у самого истока), которая «пока просто мечтает совершить подвиг» [Вишневская 1979: 39]. Из подобных умозаключений учащийся должен сделать вывод, что и Ася, и Наталья, и Лиза оказываются частью революционного движения. Советские методисты то и дело вынуждены вводить ложные пресуппозиции или прибегать к фигурам умолчания, чтобы продемонстрировать революционность героинь, сгладить все возможные противоречия и представить их как абсолютный идеал. Чаще всего подобным манипуляциям подвергался образ Елены, которая предстает как «героическая девушка» и «отдает все силы революционной борьбе» [Прилежаева 1973 (1948): 293], «русская женщина, охваченная глубоким революционным порывом» [Зерчанинов и др. 1949: 92] (при этом иногда авторы предпочитают не вдаваться в подробности, о какой борьбе идет речь и где территориально она происходила). В некоторых случаях подразумеваемые умолчания разворачиваются в желаемые утверждения, логические связи в которых обнаруживают в романах Тургенева предпосылки к участию женщин в освободительной борьбе:

> Многие молодые девушки из обеспеченных семей бросали, как Елена Стахова, своих родных, чтобы вместе с любимым человеком идти в революцию — на борьбу за свободу своего народа [Колокольцев, Литвинов 1957: 91].

Это расширение порыва героини помочь делу жизни любимого человека до общего принципа революционного порыва, свойственного русской женщине, имело основание в культурной истории России. Именно так прочитывали Тургенева многие определенным образом настроенные чита-

тельницы последней трети XIX в. ([Словцова-Камская 1990 (1860-е)], см. также: [К. 1882; Южный 1883; Кавелина 1887]) и народники-демократы ([Шашков 1898], см. также: [Лавров 1884]), констатировавшие влияние романов Тургенева на становление гражданской позиции женщины:

> Елена — «предвестница русской женщины», которая «жаждет деятельности, добра», но, «к сожалению, ничего не делает для женщины» [Словцова-Камская 1990: 309].

Даже в начале 60-х гг., по выходе романа «Накануне», русские женщины с каким-то энтузиазмом преклонялись перед образом Елены и видели в ней идеал женщины-гражданки. Они не могли понять, что ‹…› Елена очень далека от тех совершенств, которые требуются от женщины сознанием эпохи и интересами самого женского дела. Она не была способна ни к какой самостоятельной деятельности, и только любовь к Инсарову, который очаровал ее, как герой, и покорил ее своею нравственно мощью, — только чистая, пламенная любовь к этому избраннику ее сердца увлекает ее на освобождение Болгарии [Шашков 1898: 856].

Без «исторической» поддержки подобная натяжка вряд ли была бы так успешна. Однако здесь необходимо сделать важное замечание: современники находили в «революционности» тургеневских героинь значительно больше «изъянов», чем их советские последователи.

Необходимым моментом взаимной легитимации «героичности» оказывается обретение генетических связей героинь прошлого и настоящего как в парадигме художественных текстов (с *тургеневскими девушками* советские литературоведы сопоставляют Улю Громову из «Молодой гвардии»[3] и Дашу и Катю из «Хождения по мукам» А. Н. Толстого[4]), так и в отношениях акцентуации связей тургеневских героинь с канонизированными новыми героинями советской истории. Например, в рецензии А. Гурвича на театральную постановку пьесы Тургенева «Месяц в деревне» (1949) обнаруживается прямая (подчеркнутая использованием телесной контактной метафоры) связь тургеневской Верочки и Зои Космодемьянской:

> Только один образ заставил нас встрепенуться, почувствовать что-то значительное и близкое... Это была Верочка из «Месяца в деревне» Тургенева ‹…› Мы ‹…› в глубине души почувствовали, что только одна эта застенчивая, страстная девочка протягивает Зое Космодемьянской через столетие и через головы многих героинь наших пьес

[3] «Как и тургеневские героини Наталья, Елена и Марианна, Уля охвачена жаждой подвига, она близка им своей нравственной цельностью и героичностью…» [Цейтлин 1958: 81].

[4] «Даша и Катя — прекрасные и умные женщины, горячие, самозабвенные в любви, стойкие, терпеливые в несчастье, умные, красивые всегда. У них есть предшественницы, мы знаем этих русских девушек и женщин, определяемых словом — тургеневские…» [Голованова 1968: 24], см. также: [Щербина 1943: 161].

> свою руку и обменивается с ней крепким рукопожатием (цит. по: [Свиньин, Осеев 2007: 355]).

Другие публикации не разворачиваются в дискурсивные утверждения преемственности, однако сохраняют индексальную связь между новыми героинями и прочитанными ими тургеневскими текстами, которые, судя по авторской интенции, сформировали их характеры. В публикации дневника партизанки Ины Константиновой приводится замечание «Написала сочинение на тему “Русские женщины по романам Тургенева” (12 февраля 1941 г.)», и публикаторы считают необходимым привести после этой записи текст сочинения целиком [Константинова 1947: 63–64]. Происходит актуализация воспитательного значения тургеневских романов: прочитавшие их оказались способны совершить подвиг:

> На стендах «И. С. Тургенев и наша современность» девятиклассники видят портрет Зои Космодемьянской и фотокопию страницы из ее ученической тетради с записями о прочитанных книгах Тургенева [Смирнов 1968: 72].

Как можно заметить из приведенных выше контекстов, эффект актуальности литературного образа из прошлого, важного для советского настоящего, а также необходимая для формирования героичности семантика жертвенной самоотверженности поддерживается за счет попадания тургеневских героинь в дискурс о Великой Отечественной войне. Это хорошо демонстрирует текст учебника, издававшегося без изменений с 1946 по 1959 г.:

> Лиза — по-своему сильный, волевой характер, и уход ее в монастырь был своеобразным протестом против окружающей действительности. Позже русские девушки с такими же характерами, но другими взглядами уходили не в монастырь, а в революцию; в дни Великой Отечественной войны такие девушки целиком отдавали себя на служение Родине [Колокольцев, Литвинов 1946: 238].

Вариант этого сюжета встретился нам не только в учебном толковании тургеневского романа, но и в мемуарном описании военных действий на территории Орла, структурно схожем с фольклорным фабулатом:

> Рассказывают, что в момент освобождения Орла на месте памятника писателю видели девушку в гимнастерке с автоматом на груди. И, постояв немного с лицом суровым и честным, она поспешила за отрядом. Не в монастырь, не к ликам святых, а в зарево мирового пожара уходила новая Лиза — в огненном смерче защитить право на чистые и глубокие порывы сердца [Логвинов 1977: 148].

Необходимо сделать оговорку, что и это идеологическое возвышение тургеневских героинь путем внедрения их в контекст национально-освободительной войны было подготовлено прочтением тургеневских романов современниками, однако в критике XIX в. эта связь не утверждалась столь однозначно и вызывала немало споров:

> Странно слышать продолжающиеся и до сих пор застарелые толки о неестественности, о деланности, хотя и весьма искусной деланности, Елены, тогда как в последние годы, казалось бы, у всех у нас на глазах, отправилось к тем же южным славянам столько других Елен — и уже без Инсаровых, отправилось туда потому, что им непременно хотелось большого подвига, а такого подвига они не находили дома. «Пускай меня турки изжарят, а я все-таки хочу туда — ходить за раненым», — приходилось слышать от чуть лишь расцветших еще девочек, напоминавших всего более Асю, и слезы катились у них из глаз, когда они умоляли, чтобы их непременно туда отправили. [Примечание:] Передаю то, чего сам был свидетелем в 1876 г.] [Миллер 1886: 104].

С наступлением «оттепели» в популярности тургеневских героинь, по нашим наблюдениям, начинается спад. Не случайным представляется изменение школьной программы по литературе: с 1953 / 1954 учебного года тургеневские романы, до тех пор предлагавшиеся для факультативного чтения, исчезают совсем, а краткий текст поурочного планирования сокращается на одну формулировку — «образ русских женщин в творчестве Тургенева» [Программы 1953]. Учитывая консервативность школы, говорить о радикальных переменах и сбрасывании тургеневских героинь с корабля современности, конечно, нельзя: учебники продолжают мелким шрифтом перепечатывать сформулированные в 1940-е годы интерпретации с незначительными изменениями; очень медленно начинают сглаживаться и абстрагироваться инородные тургеневским текстам пассажи о героизме. Так, из «предвозвестниц» русской революции ([Колокольцев, Литвинов 1946] и др.) они превращаются во «вдохновительниц борьбы» (последняя при этом не конкретизировалась) [Колокольцев 1959: 233]. Однако в периодике происходят более радикальные процессы: *тургеневские девушки* начинают не сопоставляться с советскими героинями, а противопоставляться им. Основной вопрос, который волнует публицистов этого времени: «А разве наши современные советские девушки не превосходят глубиной и зрелостью своего внутреннего мира тургеневских барышень-дворянок?» [Волох 1963: 172]. В обсуждениях вновь возникает проблема определения места *тургеневских девушек* в прошлом или настоящем, решаемая не в пользу последнего:

> Мне 18 лет. Я не знаю еще, что такое любовь, что такое семья. Я много читаю, но не нахожу в книгах ответов на вопросы, которые меня

> волнуют, например: может ли девушка первой объясниться в любви? Можно ли выйти замуж после короткого знакомства, или надо долго встречаться с человеком? И как строить семью? Пожалуйста, посоветуйте, какие книжки читать, только не Тургенева, это все советуют, а у них ничего не найдешь, ведь мы совсем другие, и жизнь у нас другая [Ковалева 1964: 58].

Автор статьи-ответа на это письмо в журнал не пытается убедить адресанта в необходимости читать классику, а в соответствии с запросом приводит обзор проблемных вопросов, поднимаемых в произведениях современных советских писателей. Педагоги используют в этот период понятие *тургеневские девушки* в качестве синонима инфантильности и несамостоятельности, вспоминая о дворянском происхождении тургеневских героинь:

> Кстати сказать, эта советская девушка тоже зовет работницу (или мать) из кухни, чтобы та подала ей из буфета ложку. И это не единственный случай. Идеология тургеневской девушки, конечно, другая, но отношение к физическому труду и к труду «прислуги» у этих девушек странным образом совпадает. И та, и другая считают, что заниматься физическим трудом ниже их достоинства [Матвеев 1963: 31].

> — Но у нас есть возможность пригласить репетиторов, — робко вставила бабушка Ева.
> — Репетиторы! Скажите мне еще о домашнем визите к доброму, умному профессору, который вложит в юную девушку уверенность в своих силах… Это же девятнадцатый век! Тургеневские времена! [Семенов 1962: 31].

И опять практически синхронно со сменой генерального секретаря изменяются методические рекомендации относительно изучения Тургенева: в поурочное планирование включается тема «Тургеневские девушки» [Программы 1965: 42]. Социальная педагогика берет образ *тургеневской девушки* на вооружение и начинает осторожного оспаривать подразумеваемое по умолчанию негативное отношение к классическому образу:

> А вот Таня Малахова ‹…› любит Пушкина, и Чехова, но особенно Тургенева. «Асю» читала и перечитывала несколько раз. Однажды она сказала шутя: «Только такой, только такой хочу быть, как Ася». Услышав это, один из мальчиков насмешливо назвал Таню «тургеневской барышней». — А разве это плохо? — не обижаясь, ответила ему Таня. — Сколько скромности, чистоты в тургеневских героинях! Они просто прелесть! [Клюшников 1965: 32].

Постепенное растворение героического «революционного» ореола *тургеневских девушек* к началу эпохи застоя вывело регулятивную состав-

ляющую образа на первый план: они превратились просто в «идеал нормы» [Славникова 2002]. Заимствуя это образное выражение у О. А. Славниковой, мы в первую очередь хотим подчеркнуть, что в этот период характеристики *тургеневских девушек* в учебном тексте становятся безапелляционно положительными, а следовательно, становится возможным использование их образов в качестве ориентира примерного поведения (хороших манер, нравственности, целомудренности). Педагогические манипуляции становятся особенно актуальны.

Ранее кроме ожидаемых «равнодушия к буржуазному самоуспокоению, самодовольству, мещанской мелочности и ограниченности» [Благой 1948: 22], «жажды полезной деятельности», «самопожертвенности» [Голубков 1955: 48] — черт, объединяющих всех героинь Тургенева и не вступающих в противоречия с текстами романов, — методисты и критики обращали внимание и на «заблуждения» *тургеневских девушек*: одних беспокоила Наталья, «ждущая сложа руки суженого» [Скиталец 1968 (1933): 78][5], других — аполитичная Лиза, «находящаяся во власти темного, мистического ‹…› чувства» [Голубков 1955: 147], третьих — «разорвавшая связи с родиной» и «обрекшая на страдания семью» Елена [Косолапов 1955: 37]. В связи с этим осуществлялась корректировка уже сложившихся параметров *тургеневских девушек* и добавление к ним порой противоречивых черт. Так, одна вырванная из контекста цитата Елены Стаховой превращала ее в патриотку: «Освободить свою родину! Эти слова даже вымолвить страшно, так они велики…» (см.: [Кузьмина, Степанова 1966: 213; Книга о героях 1958: 152] и др.). В расцвет эпохи застоя комментаторы и судьи тургеневских текстов все чаще закрывают глаза на проблемные места художественной биографии героинь, а *тургеневские девушки* стали лакмусовой бумажкой «положительности» героя в официальной линии советской литературы. Типична ситуация, когда отрицательный / «заблуждающийся» герой нелицеприятно отзывается о них, в то время как положительный «резонер» возражает ему цитатами из текста учебного:

> Особенно не любил он разговоров о книгах ‹…›. Литературу у них учили «по образам», и ненавидел он их до зубового скрежета.
> — На кой мне образ Лизы Калитиной из «Дворянского гнезда»? Наплевать мне на это гнездо вонючее… Она «ах», он «ох», она в монастырь — бух, а я учи!
> Я пыталась как умела ему растолковать глубину и прелесть русской литературы… [Грекова 1981: 113] (см. аналогичные конфликты в [Богат 1968; Кузнецова 1979; Дубов 1982; Жуховицкий 1988]).

[5] Эта интерпретативная потенция могла порождать даже полностью отвергающие образ контексты (но не в учебном, а в художественном тексте): «Я за личность, которая не ожидает милостей судьбы, а сама творит свое счастье — достижение намеченной вершины. Мы же не барышни тургеневских времен, ждущие счастливого брака, а равноправные строители социализма. Великое будущее должно вести нас по избранному пути» [Капица 1983: 80]. Любопытно, что в конце 2000-х годов мотив ожидания счастливого брака *тургеневскими девушками* вновь всплывет, но отношение к нему сменит знак на противоположный.

Потенция героической составляющей образа вновь актуализируется в связи с воскрешением памяти о войне и снятием табу с говорения о женском военном опыте (см.: [Никонова 2005]); *тургеневские девушки*, выходя за пределы оригинального текста и преодолевая его сопротивление, появляются в военной мемуарной памяти и поэзии, быстро попадающей в школьные сценарии дней памяти 9 Мая, например:

> Не подвели свою Родину в трудный час «тургеневские девушки».
> ‹…›
> Напрасно дочек умоляют дома,
> Уже не властен материнский взгляд —
> У райвоенкоматов и райкомов
> Тургеневские девушки стоят[6] [Фоняков 1980: 245].

Нужно сказать, что эта очередная попытка «героической» легитимации удалась плохо: реципиенты скорее были склонны толковать образ «“тургеневская девушка” на войне» как оксюморонный прием, нежели как отсылку к героическому образу Елены Стаховой, отправившейся санитаркой на болгарскую национально-освободительную войну:

> Мама была добра, нежна и чрезвычайно щепетильна. В ее характере было много от тургеневской девушки. Как показали последующие события, когда пришло время действовать, она оказалась активным и мужественным человеком [Таубкин 2005: 85].

Возможно, факт неудавшейся героизации образа сыграл роль и в актуализации и популяризации в постсоветском медийном и речевом пространстве значения фразеологизма *тургеневская девушка*, которое наиболее емко обозначил один из наших информантов: «любое существо, абсолютно не приспособленное к жизни» (Д. С. А, 1974 г. р., Орел, зап. в 2014 г.).

В 1967 г. обзорно в школьную программу, помимо романов, входят повести «Ася» и «Вешние воды» [Программы 1967: 38]. Следовательно, происходит сдвиг толкования от социальных нормативных качеств, намеченных еще в 1930–1950-е годы, — к гендерному. В предыдущие эпохи тексты Тургенева, очевидно, тоже использовались педагогами и как учебники по «основам любви» и семейной жизни, поскольку коллизия взаимоотношений главных героев романов без труда поддавалась интерпретации в соответствии с единственной легитимированной советской педагогикой трактовкой «товарищества, переросшего в крепкое чувство» (см. об этом: [Келли 2013, Пономарев 2014b]): Елена выбирает Инсарова, «так как он вполне отвечает ее представлению о муже, товарище в большом совместном деле» [Голубков 1955: 149]. Однако наличие ряда различий между тургеневскими героинями и канонами советской женственности [Здравомыслова, Тем-

[6] В сценарии цитируется отрывок из поэмы Ю. В. Друниной «Смирная» (1978).

кина 2003] доставляли достаточно много проблем методистам, которым часто приходилось выбирать между анализом тургеневских текстов и желанием научить правильному поведению. Выбор, как показывают наши данные, чаще всего производился в пользу последнего (после получения правильной идеологической интерпретации школьницам предстояло стать правильными во всем). Например, из устных бесед с учителями выясняется, что важным воспитательным ходом была постановка акцента на «чистоте» и «невинности» (возможно, поэтому классические для письменного советского методического языка формулировки «тургеневские женщины», «женские образы романов Тургенева» отсутствуют в устной речи учителей). Подростковая беллетристика авторитарной эпохи также эксплуатирует научение плохо соотносимым с тургеневским текстом правилам построения взаимоотношений с противоположным полом. Приведем лишь одно сопоставление сюжетно сходной коллизии взаимоотношения героя и «тургеневской» героини советского автора и текста романа Тургенева:

> Он осторожно дотронулся до ее руки:
> — Так как же мне быть, Лида? Я не хочу уезжать, ничего не решив.
> Лидия решительно отвела его руку, встала с дивана, выпрямилась, сразу став сдержанной и неприступной. ‹…›
> — Ты уверен, что это любовь? Настоящая? — Помолчав, она заговорила более мягко: — Давай повременим, милый. Проверим. Ты только не сердись. Ты поезжай, я закончу институт, а потом… потом будет видно…
> У Максима был удрученный, даже сердитый вид.
> — Не могу я ждать, — угрюмо проворчал он. — Я сегодня же скажу твоим… Какая там еще проверка, какое испытание?.. Начиталась ты всяких старых романов и выдумываешь. — Максим кивнул на том Тургенева, скривил губы. — Любовь идеальная, возвышенная… Все это одна фантазия… Это бывало прежде… Сейчас смешно [Шолохов-Синявский 1954: 47].

> — Я желала... — начала Ася, стараясь улыбнуться, но ее бледные губы не слушались ее, — я хотела... Нет, не могу, — проговорила она и умолкла.
> ‹…› Я поднял голову и увидел ее лицо. Я забыл все, я потянул ее к себе — покорно повиновалась ее рука, все тело ее повлеклось вслед за рукою, шаль покатилась с плеч, и голова ее тихо легла на мою грудь, легла под мои загоревшиеся губы…
> — Ваша... — прошептала она чуть слышно.
> Уже руки мои скользили вокруг ее стана... Но вдруг воспоминание о Гагине, как молния, меня озарило.
> — Что мы делаем!.. — воскликнул я и судорожно отодвинулся назад [Тургенев 1980: 186].

Если ранние интерпретации подчеркивали, что тургеневские героини порывают с прошлым и семьей, во всем противопоставленной героиням

(«Она знает, что она огорчит мать, что она вызовет гнев отца, который презирает оборвыша Инсарова и подыскал ей блестящего мужа в лице сенатора Курнатовского» [Колокольцев, Литвинов, 1948: 221]), то новые, ставящие важность хорошего семейного воспитания выше ценности тургеневского текста, утверждают, что «и Ласунская, и Калитина, и Елена Стахова вот так же были в юности замкнуты в кругу семьи, казалось бы, изолированы от внешней жизни. Но там, в семье, они получали представление о долге и о подлинной нравственности» [Когинов 1983: 23].

Возможность «открытой» нормативной интерпретации тургеневского текста видна в интервью с педагогами, демонстрирующими, что положительные воспитательные качества в этот ряд можно вписывать бесконечно:

> «Дворянское гнездо» мы прямо изучали. Вот, и понятное дело, что отношению к этому образу какое было? Суперположительное, да, это было идеал, это был образец, это было то, на чем воспитывалось несколько поколений, вот, то, что вот тургеневская девушка — она чиста, она, значит, невинна, скажем так, она, какая еще, у меня эпитетов не хватает, она положительная, она трудолюбивая, она самопожертвенная, вот, и так далее, и так далее — уйма таких положительных качеств (Б. Р. М, 1958 г. р., Йошкар-Ола, преподаватель с 1980 г., зап. в 2014 г.).

Ориентированность на толкование текстов Тургенева как свода правил советской этики вновь предоставляет возможность сближения, но теперь уже не с героями, а с «обычными» советскими женщинами. Как нам кажется, именно этот факт мог послужить импульсом к рождению популярной в 1980-е годы песни группы «Центр», в которой *тургеневские женщины* употребляются в значении «простых советских женщин»:

> Тургеневские женщины читают газеты,
> Звонят по телефону, ходят на работу,
> Имеют образование, опускаются в метро,
> Стоят в очереди, расщепляют атом ‹…›
> Тургеневские женщины в утреннем тумане,
> Тургеневские женщины рядом с нами[7].

Нормативный образ *тургеневской девушки* в брежневскую эпоху стал орудием борьбы с эпидемией губительного, по мнению педагогов, влияния западной культуры:

> Сейчас, когда у некоторых юношей и девушек проявляется стремление к подражанию западной молодежи, особенно необходимо про-

[7] См. видеозапись программы «Музыкальный ринг» (1986): http://www.youtube.com/watch?v=sLPDhggYAtM.

> тивопоставлять ему положительные примеры из современной классической литературы, показывать героев, стремящихся к совершенному нравственному идеалу. Учителю надо шире использовать тургеневские произведения, привлекая внимание учащихся к простоте и скромности, благородству, сдержанности поведения тургеневских героинь, глубине и серьезности их чувств [Конышева 1972: 13].

Однако именно это, по нашему предположению, могло вновь сильно пошатнуть легитимность пропагандируемого образа. Поскольку *тургеневские девушки* были предложены в качестве панацеи от «современного», то сами же педагогические тексты и фиксируют рост непопулярности этого образа среди школьников:

> Неподготовленные нравственно к восприятию таких произведений, но уже наслышавшиеся пошлых, скабрезных историй, они берут на вооружение лишь внешние аксессуары жизни на Западе: сногсшибательные наряды, рестораны, модные танцы, а не идейную направленность фильма или книги. А через некоторое время уже появляются не только разговоры о свободной любви, ничем не ограниченной и никакими обязательствами не связанной, но и попытки поступать так, как того требует эта свобода. Некоторые девушки даже стараются оправдать свободу любви требованиями нового времени. Дескать, быть тургеневской барышней несовременно, и что касается девичьей чести и достоинства, то это уже слишком устаревшие понятия [Дремота 1973: 40].

Причину аморальности увлечения западной культурой педагоги видели в бездумном подражании и заимствовании «внешнего», т. е. прежде всего в распространении западной моды (вместе с которой, как полагалось, практически по законам контагиозной магии дети впитывали и порочную идеологию). Подобный акцент на внешней составляющей западного «антагониста» повлек детальное описание наряда *тургеневских девушек*, который, по закону оппозиции, стал толковаться как несовременный и старомодный:

> Есть девчонки, которых все зовут «девятнадцатый век», или «тургеневская девушка», и сейчас они бросаются в глаза, а лет десять-пятнадцать тому назад, когда носили длинные волосы и изображали скромность, никто бы их не заметил. Помню, когда я была совсем маленькая, к маме ходили аспирантки: их было несколько, но все сплошь на одно лицо, с косами на затылке, с открытыми лбами и опущенными глазами. Сейчас на нашем курсе почти все стригутся, носят челки, курят; одна только сохранила пучок… [Зернова 1967: 28].

Новая волна отмежевания от *тургеневских девушек* начинается ближе к эпохе перестройки, но не с изменения значения образа (в учебном тексте

оно останется прежним до тех пор, пока существует советский учебник), а с изменения отношения к релевантному на тот момент восприятию тургеневской прозы. В современной литературе (как в fiction, так и в non-fiction) поведение *тургеневских девушек* продолжает считаться (не без влияния, как мы полагаем, семантики учебного текста) правильным и, следовательно, скучным. На типичное для сегодняшнего дня отношение писателей, критиков и публицистов, по-видимому, особенно сильно влияет хлесткое высказывание Довлатова 1982 г.: «Знаменитые тургеневские женщины вызывают любые чувства, кроме желания с ними познакомиться» [Довлатов 2010: 56] (заметим, что «желание познакомиться» еще предполагает синхронную позицию, существование в одном времени).

Тургеневские девушки по-прежнему остаются хранительницами негласного свода нормативных этических правил, впитанного в 1970–1980-е годы, изменяется только авторская точка зрения — от солидаризации к недоуменному неприятию. Например, для современной беллетристики в основе характера героини, отождествляющейся с тургеневской, вполне приемлема такая черта, как уже упоминаемая выше верность нормам традиционной матримониальной этики:

> Мама воспитывала меня как Олю Телегину, тургеневскую барышню. Мама и сама такая. Она отдалась одному человеку, отцу, — и хранит ему верность до сих пор, хотя этой верностью переломала себе всю жизнь [Иванов 2012: 211].

Основной сферой бытования понятия *тургеневская девушка* в 1990–2010-е годы оказывается массовая литература, в которой авторское неприятие чаще всего влечет за собой и временну́ю десинхронизацию повествователя и героини, определяемой как «тургеневская»; десинхронизация порождает оценочную характеристику «несовременности», «past in the present». С интерпретацией *тургеневских девушек* как доживающей свой век реалии прошлого мы уже встречались в 1920-е годы; новый вековой рубеж актуализирует старые метафоры физической старости референциальной группы:

> Сегодняшние «тургеневские девушки» пенсионного возраста хранят как святыню билет КПСС, а в дни коммунистических праздников митингуют на городских праздниках перед памятником, в котором запечатлен образ классического тургеневского юноши — В. И. Ульянова-Ленина [Васильев 2011: 73].

Тем временем неподцензурная культура продолжает разрабатывать тот же нормативный образ *тургеневских девушек*, но использует его негативные коннотации, сформированные официальной культурой штампов: так, пуант основной массы анекдотов и смешных историй о *тургеневских девушках*, скопившейся за время двадцатилетнего функционирования веб-

портала «Анекдоты из России» (Anekdot.ru), заключается в эксплуатации негативно окрашенного синонима «непорочности», который можно обозначить как «конфузливость»; пропаганда «целомудрия», в свою очередь, превращается в анекдотах в асексуальность[8].

По-своему перенимают советскую традицию представления *тургеневских девушек* школьные программы: в 1991 г. утверждается программа нового образца, которая предлагает говорить на уроках о Наталье как представительнице типа *тургеневских девушек*, о «ее увлеченности романтическими идеалами и готовности к самопожертвованию», а также об Асиных «скромности, обаянии, самоотверженности» как основополагающих чертах соответствующего образа [Программы 1991: 26, 38]. В дальнейшем, меняя редакторов, программы из года в год, а затем и в следующем десятилетии оставляют описание *тургеневских девушек* практически неизменным, сводя его к перечислению положительных качеств героинь [Программы 1994: 31, 46; 2004: 91; 2012: 155; 2013: 142]. Однако в 2010-е годы (при сохранении первенства вышеозначенного восприятия) наблюдается и тенденция к новому изменению временно́го маркера с соприсутствия в настоящем времени на пребывание в прошлом, но не «отжившем», а «безвозвратно утерянном». Вновь появившаяся временна́я дистанция позволяет реабилитировать «идеализирующее» прочтение все того же значения, отсылающего к нормативной советской этике. Фактором, заставляющим обратиться к понятию *тургеневская девушка*, оказывается тоска по прошлому, молодости и «прежним временам». Так, в записи в блоге Бориса Акунина тип «тургеневская девушка» описывается следующим образом:

> Раньше у нас под воздействием литературы этих существ было много. Сейчас — под воздействием телевидения и интернета — они почти исчезли. Но тем приятнее такую встретить [borisakunin 2011].

Как вариант общего временно́го маркера данного типа, апелляция к примеру *тургеневских девушек* может становиться знаком выражения консервативной, «родительской» точки зрения на современное поколение. Другой блогер публикует текст своей матери, который отсылает к утопическим воспоминаниям о ее молодости, пришедшейся на «золотой век» нравственности советской эпохи, и вступает в диалог с точкой зрения молодого поколения, не принимающей тургеневских героинь:

---

[8] В популярности наделения *тургеневских девушек* характеристиками непривлекательности и асексуальности можно усмотреть и ответ культуры сопротивления на развитие «контрзападной» манипуляции образом. Описывая отношение «последних советских детей» к Западу, Линор Горалик проводит параллель между механизмами восприятия ими «запретных» тем: смерти, секса и Запада [Горалик 2009]. Информационная доступность, и даже пресыщенность, если развивать эту логику, не забывая и о буквальном противопоставлении «русских тургеневских девушек» западным звездам, может также являться причиной популярности в анекдотах образа *тургеневской девушки* в роли «синего чулка».

> Сейчас на фоне всяких шоу, глупого плоского юмора по телевидению, детективов с убийствами самого разнообразного характера и других прелестей современной культуры трудно представить такой тип девушки. Сейчас он кажется ужасным анахронизмом. Но в советские времена, представьте, их было немало [ni_kolenka 2013].

Параллельно с этим процессом (и, вероятно, независимо от него) в 2000-е годы *тургеневские девушки* начинают вызывать интерес фэшн-индустрии: так, на сайте модного бренда «Villa Turgenev Atelier Moscow» (Villaturgenev.ru) наряды из дорогих тканей в 2013 г. прочили «утонченным тургеневским барышням». В то время как контексты употребления, уходящие корнями в советское учебное прошлое, ограничиваются прежде всего характеристиками внутренних качеств героини, новые медиа и сферы, зависящие от их развития, обращаются к старому образу, активно эксплуатируя внешний облик *тургеневской девушки*. Образы тургеневских героинь, сохраняя за собой значение «прошлого в настоящем», находят себе место в среде медиа. Такая новая форма репрезентации понятия происходит не только в России: так, в 2013 г. фотограф Филипп Эрбе представил в Бельгии выставку «Тургеневские девушки и другие рассказы о России», и денотатом здесь является, конечно, не советская этика, а просто игровая отсылка «классическому» образу, что Б. В. Дубин считает вполне закономерным процессом, также осуществляющим функцию «единения потребителя с другими такими же — приравнивание времени, синхронизацию» [Дубин 2010: 32]. Еще одним новым институциональным «подъемом» образа можно считать повышенный интерес к нему массовой телевизионной культуры — в отличие от массовой печати, где можно наблюдать прежнее пренебрежение к образу *тургеневской барышни*, создатели отечественных сериалов подчеркивают его востребованность:

> Но постепенно на нашем ТВ стал возрождаться уже подзабытый жанр отечественного телевизионного сериала, и возникла необходимость в новых типажах, в новых героях и героинях. Как известно, основную часть зрительского сериального контингента составляют женщины, и им не интересно смотреть на «женщин-вамп». Поэтому режиссерам и продюсерам пришлось поднапрячься и отправиться по театрам и театральным училищам в поисках уже почти забытого типажа «тургеневской девушки» [Бабицкий б. д.].

«Целомудрие» вновь приобретает положительные коннотации, превращаясь из «асексуальности» в «порядочность» в массовых брошюрах матримониальной тематики, дающих советы, «как удачно выйти замуж»:

> Не забывайте, что, может, гулять и развлекаться мужчины предпочитают и с «женщинами-вамп», а с предложениями все равно почему-то бегут к «тургеневским девушкам» [Шацкая, Рыбицкая 2007: 22].

> Но здесь резонно встает вопрос — какими должны быть женщины у таких мужчин? И сразу рисуется образ эдакой роковой тургеневской девушки с глазами олененка Бемби [Курпатов 2013: 191].

Реабилитацию эффективности воспитательной семантики образа (популярность которого, впрочем, подпитывается локальной идентичностью) предприняли организаторы конкурса «Тургеневская девушка», с 2007 г. проводимого среди юных (16–22 года) жительниц г. Орла и области. В пресс-релизе, содержащем отчет о первом конкурсе, отчетливо прослеживается связь между прошлым и нравственностью, а также стремление к ее актуализации:

> Казалось, что девятнадцатый век пожаловал собственной персоной засвидетельствовать свое почтение тем, кто решил попытаться вернуть к жизни его, некогда бывшие нормой, а сегодня катастрофически исчезающие из нашей суматошной, наполненной жесткими ритмами действительности нравственные и духовные ценности [Фильчаков 2007].

Заключительная речь одного из членов жюри конкурса 2014 г. содержит резонирующую с трактовкой «авторитарной эпохи» «антизападную» перекличку:

> Но прежде всего что хотелось бы сказать, такую новость: знаете ли, Тургенев жив! Жив не только у нас в Орле ‹…› А он действительно жив, судя по тому, что мы здесь увидели и услышали. И, конечно, мне бы хотелось подчеркнуть здесь особое значение этого уникального конкурса в пространстве нашей российской культуры: сейчас мы находимся в напряженном поиске национальной идентичности, возвращения к истокам наших культур для того, чтобы понять: кто мы, откуда и куда идем. Потому что, может быть, несколько заблудились в дебрях вестернизованной культуры за прошедшие двадцать лет. И вот это вот возвращение к нашей культуре, к ее золотому веку, ‹…› конечно же, вот это возвращение — символом его во многом является нынешний конкурс[9].

Таким образом, можно предположить, что динамика толкования образов тургеневских героинь и социальной памяти о них подвержена ритмам чередования «культуры-1» и «культуры-2» [Паперный 1985]: во времена «культуры-2» они достаются из золотого запаса русской классики и, благодаря наличию такого символического капитала, как принадлежность к прошлому, используются для решения прагматических задач настоящего (1930–1950-е, середина 1960-х — 1980-е, 2010-е годы), а во времена «культуры-1» (1920-е годы, «оттепель», конец 1980-х — 2000-е годы) маркируются как

[9] См. видеозапись: http://www.youtube.com/watch?v=0GlNwqsDkOs.

ненужные пережитки прошлого[10]. Денотат, к которому отсылают толкования эпохи «культуры-2» имеет мало общего с текстами Тургенева: в первый период интерпретативной «героизации» *тургеневских девушек* методисты старались не столько описать их, сколько сделать максимально похожими на представительниц народнического движения, т. е. на мифологизированное памятью и современным им социокультурным контекстом представление о героях. Во второй период они старались создать идеальную поведенческую модель (память о которой, в свою очередь, через эпоху получила мемориализацию, насыщенную положительными коннотациями). Функционирование понятия *тургеневские девушки* во времена господства «культуры-2» стремится к синхронизации с современностью, но в то же время требует поддержания подчеркнуто почтительной дистанции. «Культура-1» отбрасывает героинь Тургенева в прошлое, понимаемое авторами текстов новой эпохи не столько как время создания романов, сколько как повод для неприятия и/или оспаривания круга значений, предложенных эпохой предыдущей. Такой механизм напоминает и простую реализацию чередования господства «официальной школьной культуры», и выход на поверхность в определенные моменты реакции «неофициального сопротивления»: не случайно первая возможность двойственного отношения к тургеневским героиням представлена через точку зрения школьника (пусть пока «заблуждающегося» и ничего не понимающего), развитую впоследствии «новыми» (модерными) писателями.

Интернет-источники

Бабицкий б. д. — *Бабицкий А.* Карина Разумовская: «тургеневская девушка» XXI в. // Наш фильм.ru. Б. д. URL: http://www.nashfilm.ru/kinostars/4102.html.

borisakunin 2011 — *borisakunin*. Вопрос недели: идеал женщины: [Запись в Livejournal.com]. 2011. 4 февр. Цит. по URL: http://yablor.ru/blogs/vopros-nedeli-ideal-jenschini/1172936.

ni_kolenka 2013 — *ni_kolenka*. День рождения еще одного любимого писателя мамы: [Запись в Livejournal.com]. 2013. 9 нояб. URL: http://ni-kolenka.livejournal.com/138554.html.

Villa Turgenev 2013 — Villa Turgenev Atelier Moscow. [2013]. URL: http://www.villa-turgenev.ru.

[10] Конечно, подобное чередование, в целом, характерно и для всего классического наследия [Хазагерова, Хазагеров 20005], однако *тургеневская девушка* — особенно удобный для социальных манипуляций образ ввиду повышенной «открытости» допустимых интерпретаций авторского текста: его в большей степени, чем любой другой классический образ, можно определить как сему «с плавающим означающим». В качестве аргумента распространенности этого литературного топоса наш информант, экскурсовод музея «Спасское-Лутовиново», привел довод о «прозрачности» тургеневской прозы: «Тургенев ‹…› как человек, который всю жизнь боролся с насилием, он дает свободу и читателю тоже. Мне одна экскурсантка сказала: “А почему Тургенев не делает глубокого психологического анализа?” Я сказал: “А он и не будет его делать, он дает волю для размышления читателя”» (О. Д. С., 1978 г. р., Орел, зап. в 2014 г.).

Литература

Абрамович и др. 1935 — *Абрамович Г., Брайнина Б., Еголин А.* Русская литература: Учебник для IX класса средней школы. Ч. 2. М.: Учпедгиз, 1935.

Благой 1948 — *Благой Д. Д.* Мировое значение русской литературы // Начальная школа. 1948. № 5. С. 12–28.

Богат 1968 — *Богат Е. М.* Чувства и вещи. М.: Мол. гвардия, 1968.

Васильев 2011 — *Васильев В. К.* И. С. Тургенев и его герои в свете утопии и антиутопии // Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX–XX вв. / Отв. ред. Н. В. Ковтун. М.: Флинта, 2011. С. 65–84.

Вишневская 1979 — *Вишневская И.* На встрече с Тургеневым // Искусство кино. 1979. № 11. С. 27–39.

Волох 1963 — *Волох Т.* Вместо своеобразия — трюкачество // Радуга. 1963. № 9. С. 169–172.

Воробьев 1968 — *Воробьев П. Г.* Рассказы И. С. Тургенева в школе. М.: Просвещение, 1968.

Голованова 1968 — *Голованова Т. П.* Тургенев и советская литература // Русская литература. 1968. № 4. С.20–34.

Голубков 1928 — *Голубков В. В.* И. С. Тургенев: Пособие для школ II ступени, техникумов и для самообразования. М.; Л.: Госиздат, 1928.

Голубков 1955 — *Голубков В. В.* Художественное мастерство И. С. Тургенева: Пособие для учителя. М.: Учпедгиз, 1955.

Горалик 2009 — *Горалик Л.* Плюс на минус…: Восприятие «Америки» последним поколением советских детей // Новое литературное обозрение. 2009. № 1 (95). Цит. по электрон. версии. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2009/95/go18.html.

Грекова 1981 — *Грекова И.* [*Вентцель Е. С.*]. Вдовий пароход // Новый мир. 1981. № 5. С. 62–124.

Довлатов 2010 — *Довлатов С.* Блеск и нищета русской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2010.

Дремота 1973 — *Дремота Н.* Корни аморальных явлений // Воспитание школьников. 1973. № 3. С. 38–40.

Дубин 2010 — *Дубин Б. В.* Классика, вокруг и после (О границах и формах культурного авторитета) // Политическая концептология. 2010. № 4. С. 28–39.

Дубов 1982 — *Дубов Н. И.* Родные и близкие. М.: Сов. писатель, 1982.

Жуховицкий 1988 — *Жуховицкий Л. А.* Трубач на площади. М.: Искусство, 1988.

Здравомыслова, Темкина 2003 — *Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 3/4. С. 299–321.

Зернова 1967 — *Зернова Р. А.* Солнечная сторона // Звезда. 1967. № 9. С. 23–97.

Зерчанинов и др. 1949 — *Зерчанинов А. А., Райхин Д. Я., Стражев В. И.* Русская литература: Учебник для IX класса средней школы. [3-е изд.]. М.: Учпедгиз, 1949.

Иванов 2012 — *Иванов А. В.* Комьюнити. М.: Азбука, 2012.

Ивановский 1938 — *Ивановский Н.* Женские образы Тургенева // Общественница. 1938. № 11. С. 50–53.

Ильин 1919 — *Ильин Д.* Ржавое перо // Зарево заводов: [ж-л.; Самара]. 1919. № 2. С. 65–67.

Ильин 1949 — *Ильин З.* Диспуты как форма внеклассной работы // Советская педагогика. 1949. № 2. С. 59–65.

К. 1882 — *Евгения К.* Краткая заметка о женских характерах в романах Тургенева // Друг женщин. 1882. № 10. С. 38.

Кавелина 1887 — *Кавелина Е. П.* И. С. Тургенев в оценке своих ближайших современников. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1887.

Капица 1983 — *Капица Л.* Наши годы. Л.: Сов. писатель, 1983.

Келли 2013 — *Келли К.* «В нашем великом Советском Союзе товарищ — священное слово». Эмоциональные отношения между детьми в советской культуре // Детские чтения. Т. 3. № 1. 2013. С. 38–73.

Клюшников 1965 — *Клюшников Б.* Своя педагогическая поэма // Школа-интернат. 1965. № 6. С. 32–33.

Книга о героях 1958 — Книга о героях. Очерки. Вып. 1. М.: Воениздат, 1958.

Ковалева 1964 — *Ковалева Л.* Что ответить Лизе? // Юность. 1964. № 7. С. 58–63.

Когинов 1983 — *Когинов Ю.* Вещая душа. Роман-хроника. М.: Сов. писатель, 1983.

Колокольцев 1959 — *Колокольцев Н. В.* Русская литература: Учебник для 2 курса пед. училищ. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1959.

Колокольцев, Литвинов 1946 — *Колокольцев Н. В., Литвинов В. В.* Русская литература: Учебник для пед. училищ: 2-й класс / Под общ. ред. Н. Л. Бродского. 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1946.

Колокольцев, Литвинов 1948 — *Колокольцев Н. В., Литвинов В. В.* Русская литература: учебник для пед. училищ. М.: Учпедгиз, 1948.

Колокольцев, Литвинов 1957 — *Колокольцев Н. В., Литвинов В. В.* Русская литература: Учебник для IX класса нерусской средней школы. М.: Учпедгиз, 1957.

Константинова 1947 — Девушка из Кашина: Дневник и письма юной партизанки Ины Константиновой / Подгот. к печати О. Чечеткина. М.: Мол. гвардия, 1947.

Конышева 1972 — *Конышева А. Л.* Значение творчества И. С. Тургенева в нравственно-эстетическом воспитании учащихся // Изучение И. С. Тургенева в школе: Материалы методических конференций. Орел: Орловское отд-е Приокского изд-ва, 1972. С. 5–14.

Косолапов 1955 — *Косолапов В. И.* Диспуты и их значение в воспитании учащихся средней школы // Советская педагогика. 1955. № 4. С. 29–38.

Кузнецова 1979 — *Кузнецова А.* Земной поклон. М.: Сов. писатель, 1979.

Кузьмина, Степанова 1966 — И. С. Тургенев в портретах, иллюстрациях, документах: Пособие для учителя / Сост. Л. И. Кузьмина, Г. В. Степанова; Под общ. ред. Г. А. Бялого. М.; Л.: Просвещение, 1966.

Курпатов 2013 — *Курпатов А.* 7 интимных тайн. Психология сексуальности. М.: Олма Медиа Групп, 2013 [и след. изд.].

Курч 1923 — *Курч Е. М.* Чем и насколько обязана я Тургеневу? // Тургенев и его время: 1-й сб. / Под ред. Н. Л. Бродского. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. С. 9–13.

Лавров 1884 — *Лавров П. Л.* И. С. Тургенев и развитие русского общества // Вестник народной воли. 1884. № 2. Цит. по: И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников / Сост. и коммент. М. К. Клеман. М.; Л.: Academia, 1930. С. 20–79.

Логвинов 1977 — *Логвинов А.* Приокские родники: Литературно-критические статьи. М.: Современник, 1977.

МАС 1999 — Словарь русского языка [малый академический]: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1999. Цит. по электрон. версии. URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm.

Матвеев 1963 — *Матвеев В. Ф.* Трудный возраст. М.: Знание, 1963.

Миллер 1886 — *Миллер О.* Женские образы у Тургенева // *Миллер О.* Русские писатели после Гоголя: Чтения, речи и статьи Ореста Миллера. Ч. 1. СПб.: Н. П. Карбасников, 1886 [и след. изд.].

Моцарев 1959 — *Моцарев И. Т.* Новые книги по Тургеневу // Литература в школе. 1959. № 4. С. 80–82.

Никонова 2005 — *Никонова О.* Женщины, война и «фигура умолчания» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. Цит. по электрон. версии. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ni32-pr.html.

Паперный 1985 — *Паперный В.* Культура «Два». Ann Arbor: Ardis, 1985.

Пономарев 2010 — *Пономарев Е. Р.* Чему учит учебник // Нева. 2010. № 2. Цит. по электрон. версии. URL: http://magazines.russ.ru/neva/2010/2/po17.html.

Пономарев 2014a — *Пономарев Е. Р.* Общие места литературной классики // Новое литературное обозрение. 2014. № 2. Цит. по электрон. версии. URL: magazines.russ.ru/nlo/2014/126/18p.html.

Пономарев 2014b — *Пономарев Е. Р.* Воспитание новых людей. Методика новых людей. Методика преподавания в советской школе 1930-х гг. // Детские чтения. Т. 5. № 1. 2014. С. 95–121.

Прилежаева 1973 (1948) — *Прилежаева М. П.* Юность Маши Стоговой // Прилежаева М. П. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М.: Дет. литература, 1973. С. 145–387.

Программы 1939 — Программы средней школы. Литература: VIII–X кл. М.: Наркомпрос РСФСР, 1939 (и след. изд.).

Программы 1953 — Программы средней школы. Литература: VIII–X кл. М.: Учпедгиз, 1953 (и след. изд.).

Программы 1965 — Программы средней школы. Литература. М.: Просвещение, 1965 (и след. изд.).

Программы 1967 — Программы средней школы. Литература. М.: Просвещение, 1967.

Программы 1991 — Программы по литературе для средних общеобразовательных учебных заведений / Науч. ред. Т. Ф. Курдюмова. М.: Просвещение, 1991.

Программы 1994 — Программы общеобразовательных учебных заведений в Российской Федерации. Литература. Средняя школа / Сост. Т. А. Калганова. М.: Просвещение, 1994.

Программы 2004 — Программы образовательных учреждений. Литература: 5–11 кл. / Сост. Г. И. Беленький, Ю. И. Лыссый. М.: Мнемозина, 2004.

Программы 2012 — Программы по литературе: 5–9 кл. / Сост. Г. С. Меркин, С. А. Зинин, В. А. Чалмаев. М.: ООО «ТИД «Русское слово — РС», 2012.

Программы 2013 — Литература: Программы: 5–9 кл. образовательных учреждений / Сост. Б. А. Ланин, Л. Ю. Устюгова. М.: Вентана Граф, 2013.

Пумпянский 2000 — *Пумпянский Л. В.* Романы Тургенева и роман «Накануне» // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 381–403.

Пустовойт 1968 — *Пустовойт П.* Певец русской женщины // Советская женщина. 1968. № 11. С.10–11.

Розенблюм 2013 — *Розенблюм О.* Зоя Космодемьянская: эволюция «героя» как «культурного героя» в 1940-е гг. // Детские чтения. Т. 3. № 1. 2013. С. 135–147.

Свиньин, Осеев 2007 — Сталинские премии: две стороны одной медали: Сб. документов и художественно-публицистических материалов / Сост. В. Ф. Свиньин, К. А. Осеев. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2007.

Свободин 1961 — *Свободин А.* Тургеневская девушка // Советская женщина. 1961. № 7. С. 30.

Семенов 1962 — *Семенов М.* Иринка сдает экзамены // Огонек. 1962. № 32(1833) 5 авг. С. 30–31.

Скиталец 1968 — Статья С. Г. Скитальца о Тургеневе / Публ. и предисл. В. А. Громова // Русская литература. 1968. № 4. С. 73–80.

Славникова 2002 — *Славникова О.* Rendes-vous в конце миллениума // Новый мир. 2002. № 2. Цит. по электрон. версии. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/2/slav.html.

Словцова-Камская 1990 — *Словцова-Камская Е.* Любовь или дружба? / Сост. и примеч. Д. А. Красноперова. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1990.

Смирнов 1968 — *Смирнов И. К.* Литературные экскурсии девятиклассников по Орлу // Литература в школе. 1968. № 5. С. 69–72.

Соколов 1920 — *Соколов Б. М.* Мужики в изображении Тургенева // Творчество Тургенева: Сб. ст. / Под ред. И. Н. Розанова, Ю. М. Соколова. М.: Задруга, 1920. С. 194–233.

Таубкин 2005 — *Таубкин Д.* Минуло шестьдесят лет… // Мишпоха. 2005. № 16. С. 85–95.

Третья конференция 1931 — Третья конференция девичьей дружины // Вестник русского студенческого христианского движения. 1931. № 7. С. 30–32.

Тургенев 1980 — *Тургенев И. С.* Ася // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 5. М.: Наука, 1980. С. 149–195.

Фадеев 1957 — *Фадеев А. А.* Субъективные заметки // Новый мир. 1957. № 2. С. 207–241.

Феддерс, Цветаев 1930 — *Феддерс Г. Ю., Цветаев В. П.* Рабочая книга по литературе: Для 7-го года обучения в трудовой школе. М.; Л.: Госиздат, 1930.

Фильчаков 2007 — *Фильчаков Ю.* «Тургеневская девушка» // Орловская правда: [газ.]. 2007. 9 нояб. С. 7.

Фишер 1920 — *Фишер В. М.* Повесть и роман у Тургенева // Творчество Тургенева / Сб. ст. под ред. И. Розанова, Ю. Соколова. М.: Задруга, 1920. С. 1–30.

Фоняков 1980 — *Фоняков И. Ц.* Тайна простых слов // Знамя. 1980. № 8. С. 243–246.

Хазаргерова, Хазагеров 2005 — *Хазагерова С., Хазагеров Г.* Культура-1, культура-2 и гуманитарная культура // Знамя. 2005. № 3. Цит. по электрон. версии. URL: http://magazines.russ.ru/znamia/2005/3/haz10.html.

Цейтлин 1958 — *Цейтлин А. Г.* Мастерство Тургенева-романиста. М.: Сов. писатель, 1958.

Черный 1996 — *Черный С.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 2: Эмигрантский уезд: Стихотворения и поэмы 1917–1932. М.: Эллис Лак, 1996.

Шацкая, Рыбицкая 2007 — *Шацкая Е., Рыбицкая Н.* Мужчиноприобретение: Пособие по завоеванию и удержанию мужчин. М.: АСТ, 2007.

Шашков 1898 — *Шашков С. С.* Исторические судьбы женщины, детоубийство и проституция. История русской женщины. СПб.: Изд. О. Н. Поповой, 1898.

Шолохов-Синявский 1954 — *Шолохов-Синявский Г.* Беспокойный возраст. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное изд-во, 1954.

Щербина 1943 — *Шербина В.* «Хождение по мукам» // Новый мир. 1943. № 5–6. С. 158–181.

Южный 1883 — *Южный А.* [*Леткова Е. П.*]. Женщины в произведениях Тургенева. Ч. 1, 2 // Друг женщин. 1883. № 11. С. 155–179. № 12. С. 94–110.

Turgenevian girls: Socio-educational manipulations of common places from Turgenev's works in Soviet and post-Soviet culture

Vasilyeva, Elena V.
MA Student, St. Petersburg State University
Russia, 199034, St. Petersburg, Universitetskaya emb., 11.
Tel.: +7 (812) 328-95-18
E-mail: vasileva.prochtenie@mail.ru

Kozlova, Anna V.
MA Student, European University at St. Petersburg
Russia, 191187, St. Petersburg, Gagarinskaya str., 3a.
Tel.: +7 (812) 386-76-36
E-mail: akozlova@eu.spb.ru

Abstract. The article presents a diachronic study of the concept of *turgenevskaia devushka* "Turgenevian girl" (a female whose behavior, character or style seems similar to that of a lady from Turgenev's novels), which has become firmly rooted in the phraseological fund of modern Russian language and culture. However, we are not interested in its meaning in the language, but in the process of how it was formed and the reasons for changes in how it was interpreted. To show how the perception of heroines from the novels of Turgenev, which are part of the "golden treasury" of classical Russian literature, has changed during the XXth century, we examine training texts and the surrounding media context. From our observation of the rises and the falls in popularity of images of Turgenevian girls outside the bounds of of the original literary texts, their social acceptance or rejection, their inclusion or exclusion in school curricula, and their being marked the characters as a part of an obsolete past, or, conversely, as being vitally relevant, we conclude that the dynamics of how this collective image and the social memory of it has been affected by the rhythm of alternation of "Culture-1" and "Culture-2" (V. Paperny).

Keywords: training text, classical heritage, reception of literature, female images in Turgenev's oeuvre

References

Abramovich, G., Brainina, B., Egolin, A. (1935). Russkaia literatura: Uchebnik dlia IX klassa srednei shkoly [Russian literature: Textbook for high schools (grade IX)], 2. Moscow: Uchpedgiz. (In Russian).

Belen'kii, G. I., Lyssyi, Iu. I. (Eds.) (2004). *Programmy obrazovatel'nykh uchrezhdenii. Literatura: 5–11 kl.* [Curricula for educational institutions: Literature: grades 5–11]. Moscow: Mnemozina. (In Russian).

Bialyi, G. A. (Ed.) (1966). *I. S. Turgenev v portretakh, illiustratsiiakh, dokumentakh: Posobie dlia uchitelia* [I. S. Turgenev in portraits, illustrations, documents: A handbook for teachers].

Moscow; Leningrad: Prosveshchenie. (In Russian).

Blagoi, D. D. (1948). Mirovoe znachenie russkoi literatury [The world significance of Russian literature]. *Nachal'naia shkola*, *1948*(5), 12–28. (In Russian).

Bogat E. M. (1968). *Chuvstva i veshchi* [Feelings and things]. Moscow: Molodaia gvardiia. (In Russian).

Chernyi, S. (1996). *Sobranie sochinenii* [Collected works] (Vol. 2: An émigré district: Poems and longer poems, 1917–1932). Moscow: Ellis Lak. (In Russian).

Dovlatov S. (2010). *Blesk i nishcheta russkoi literatury* [The splendor and misery of Russian literature]. St. Petersburg: Azbuka-klassika. (In Russian).

Dremota, N. (1973). Korni amoral'nykh iavlenii [The roots of immoral phenomena]. *Vospitanie shkol'nikov*, *1973*(3), 38–40. (In Russian).

Dubin, B. V. (2010). Klassika, vokrug i posle (O granitsakh i formakh kul'turnogo avtoriteta) [Classics, around and after (About the limits and forms of cultural authority)]. In *Politicheskaia konfliktologiia* [Political conceptology: journal of metadisciplinary research], *2010*(4), 28–39. (In Russian).

Dubov, N. I. (1982). *Rodnye i blizkie* [One's nearest and dearest]. Moscow: Sovetskii pisatel'. (In Russian).

Evgen'eva, A. P. (Ed.) (1999). *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of Russian]. Moscow: Russkii iazyk. Retrieved from http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm (In Russian).

Fadeev, A. A. (1957). Sub'ektivnye zametki [Subjective notes]. *Novyi mir* [New world], *1957*(2), 207–241. (In Russian).

Fedders, G. Iu., Tsvetaev, V. P. (1930). *Rabochaia kniga po literature: Dlia 7-go goda obucheniia v trudovoi shkole* [Working paper for studying literature: For the 7th year at a vocational school]. Moscow; Leningrad: Gosizdat. (In Russian).

Fil'chakov, Iu. (2007, November 9). Turgenevskaia devushka [Turgenevian girl]. *Orlovskaia Pravda* [Orel Truth], 7. (In Russian).

Fisher, V. M. (1920) Povest' i roman u Turgeneva [Story and novel in Turgenev's oeuvre]. In Rozanov, I., Sokolov, M. (Eds.). *Tvorchestvo Turgeneva* [Turgenev's oeuvre], 1–30. Moscow: Zadruga. (In Russian).

Foniakov, I. Ts. (1980). Taina prostykh slov [The mystery of simple words]. *Znamia* [Banner], *1980*(8), 243–246. (In Russian).

Golovanova, T. P. (1968). Turgenev i sovetskaia literatura [Turgenev and Soviet literature] In *Russkaia literatura* [Russian literature], *1968*(4), 20–34. (In Russian).

Golubkov, V. V. (1928). *I. S. Turgenev: Posobie dlia shkol II stupeni, tekhnikumov i dlia samoobrazovaniia* [I. S. Turgenev: A guide for students of secondary schools, technical schools and for self-education]. Moscow; Leningrad: Gosizdat. (In Russian).

Golubkov, V. V. (1955). *Khudozhestvennoe masterstvo I. S. Turgeneva: Posobie dlia uchitelia* [The art of Ivan Turgenev: a guide for teachers]. Moscow: Uchpedgiz. (In Russian).

Goralik, L. (2009). Plius na minus…: Vospriiatie "Ameriki" poslednim pokoleniem sovetskikh detei [Plus to minus ...: Perceptions of America by the latest generation of Soviet children]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary observer], *2009*(1) (=95). Retrieved from http://magazines.russ.ru/nlo/2009/95/go18.html. (In Russian).

Grekova, I. (1981). Vdovii parokhod [The widows' steamship]. *Novyi mir* [New world], *1981*(5), 62–124. (In Russian).

Il'in, D. (1919). Rzhavoe pero [Rusty pen]. *Zarevo zavodov* [The glow of factories], 1919(2), 65–67. (In Russian).

Il'in, Z. (1949). Disputy kak forma vneklassnoi raboty [Disputes as a form of extracurricular activities]. *Sovetskaia pedagogika* [Soviet pedagogy], *1949*(2), 59–65. (In Russian).

Iuzhnyi, Aleksei [Letkova, E. P.] (1883). Zhenshchiny v proizvedeniiakh Turgeneva: V 2 ch. [Women in Turgenev's works: In 2 parts]. *Drug zhenshchin* [A friend of women], *1883*(11), 155–179, *1883*(12), 94–110. (In Russian).

Ivanov, A. V. (2012). *Kom'iunity* [Community]. Moscow: Azbuka. (In Russian).

Ivanovskii, N. (1938). Zhenskie obrazy Turgeneva [Female images in the works of Turgenev]. *Obshchestvennitsa* [Socially active woman], *1938*(11), 50–53. (In Russian).

K., E. (1882). Kratkaia zametka o zhenskikh kharakterakh v romanakh Turgeneva [A brief note about the female characters in Turgenev's novels]. *Drug zhenshchin* [A friend of women], *1882*(10), 38. (In Russian).

Kalganova, T. A. (Ed.) (1994) *Programmy obshcheobrazovatel'nykh uchebnykh zavedenii v Rossiiskoi Federatsii. Literatura. Sredniaia shkola* [Curricula for educational institutions in the Russian Federation. Literature. High school]. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian).

Kapitsa, L. (1983). *Nashi gody* [Our years]. Leningrad: Sovetskii pisatel'. (In Russian).

Kavelina, E. P. (1887). *I. S. Turgenev v otsenke svoikh blizhaishikh sovremennikov* [I. S. Turgenev in the assessment of his closest contemporaries]. St.-Petersburg: Tipografiia Iu. N. Erlikh. (In Russian).

Kelli, K. (2013). "V nashem velikom Sovetskom Soiuze tovarishch — sviashchennoe slovo". Emotsional'nye otnosheniia mezhdu det'mi v sovetskoi kul'ture ["Comrade is a sacred word in our great Soviet Union". Emotional relationships between children in Soviet culture]. *Detskie chteniia* [Children's readings]*, 1*(3), 38–73. (In Russian).

Khazagerova, S., Khazagerov, G. (2005). Kul'tura-1, kul'tura-2 i gumanitarnaia kul'tura [Culture-1. Culture-2 and humanities culture]. *Znamia* [Banner], *2005*(3). Retrieved from http://magazines.russ.ru/znamia/2005/3/haz10.html. (In Russian).

Kliushnikov, B. (1965). Svoia pedagogicheskaia poema [One's own pedagogical poem]. *Shkola-internat* [Boarding school], *1965*(6), 32–33. (In Russian).

Koginov, Iu. (1983). *Veshchaia dusha* [The prophetic soul]. Moscow: Sovetskii pisatel'. (In Russian).

Kolokol'tsev, N. V. (1959). *Russkaia literatura: Uchebnik dlia 2 kursa ped. uchilishch* [Russian literature: a textbook for second year students of teacher training colleges]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniia RSFSR. (In Russian).

Kolokol'tsev, N. V., Litvinov, V. V. (1946). In N. L. Brodskii (Ed.). *Russkaia literatura: Uchebnik dlia ped. uchilishch: 2-i klass* [Russian literature: a textbook for teacher training colleges: 2nd grade]. 2nd ed. Moscow Uchpedgiz. (In Russian).

Kolokol'tsev, N. V., Litvinov, V. V. (1948). *Russkaia literatura: uchebnik dlia ped. uchilishch* [Russian literature: a textbook for teacher training colleges]. Moscow Uchpedgiz, 1948. . (In Russian).

Kolokol'tsev, N. V., Litvinov, V. V. (1957). *Russkaia literatura: Uchebnik dlia IX klassa nerusskoi srednei shkoly* [Russian literature: Textbook for non-Russian language high schools (grade IX)]. Moscow: Uchpedgiz. (In Russian).

Konstantinova, I. (1947). *Devushka iz Kashina: Dnevnik i pis'ma iunoi partizanki Iny Konstantinovoi* [A girl from Kashin: Diary and letters of the young partisan Ina Konstantinova]. O. Chechetkina (Ed). Moscow: Mol. gvardiia. (In Russian).

Konysheva, A. L. (1972). Znachenie tvorchestva I. S. Turgeneva v nravstvenno-esteticheskom vospitanii uchashchikhsia [The value of I. S. Turgenev's oeuvre for moral-aesthetic education of students]. In *Izuchenie I. S. Turgeneva v shkole: Materialy metodicheskikh konferentsii* [The

study of I. S. Turgenev in school: Materials of methodical conferences], 5–14. Orel: Orlovskoe otdelenie Priokskogo izdatelstva. (In Russian).

Kosolapov, V. I. (1955). *Disputy i ikh znachenie v vospitanii uchashchikhsia srednei shkoly* [Disputes and their importance in the education of high school students]. *Sovetskaia pedagogika* [Soviet pedagogics], *1955*(4), 29–38. (In Russian).

Kovaleva, L. (1964). Chto otvetit' Lize? [How to reply to Liza?]. *Iunost'* [Youth], *1964*(7), 58–63. (In Russian).

Krivenko, E. (Ed). (1958). *Kniga o geroiakh. Ocherki* [A book about heroes. Essays] (Vol. 1). Moscow: Voenizdat.

Kurch, E. M. (1923). Chem i naskol'ko obiazana ia Turgenevu? [In what way and how much am I obliged to Turgenev?] In N. L. Brodskii (Ed.). *Turgenev i ego vremia* [Turgenev and his time] (Vol. 1), 9–13. Moscow; Petrograd: Gos. izd-vo. (In Russian).

Kurdiumova, T. F. (Ed.). (1991). *Programmy po literature dlia srednikh obshcheobrazovatel'nykh uchebnykh zavedenii* [Curricula for literature lessons for secondary schools]. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian).

Kurpatov, A. (2013). *7 intimnykh tain. Psikhologiia seksual'nosti* [7 intimate secrets. Psychology of sexuality]. Moscow: Olma Media Grupp. (In Russian).

Kuznetsova, A. (1979). *Zemnoi poklon* [Prostration]. Moscow: Sovetskii pisatel'. (In Russian).

Lanin, B. A., Ustiugova, L. Iu. (Eds.). (2013). *Literatura: Programmy: 5–9 kl. obrazovatel'nykh uchrezhdenii* [Literature: Curricula: 5th–9th grades of educational institutions]. Moscow: Ventana Graf. (In Russian).

Lavrov, P. L. (1884/1930). I. S. Turgenev i razvitie russkogo obshchestva [I. S. Turgenev and the development of Russian society]. *Vestnik narodnoi voli* [Herald of the people's will], no. 2. In M. K. Kleman (Comp. and Ed.). *I. S. Turgenev v vospominaniiakh revoliutsionerov-semidesiatnikov* [I. S. Turgenev in reminiscences by revolutionaries of the 1870s], 20-79. Moscow; Leningrad: Academia.

Logvinov, A. (1977). *Priokskie rodniki: Literaturno-kriticheskie stat'i* [Springs near Oka river: Literary-critical essays]. Moscow: Sovremennik. (In Russian).

Matveev, V. F. (1963). *Trudnyi vozrast* [A difficult age]. Moscow: Znanie. (In Russian).

Merkin, G. S., Zinin, S. A., Chalmaev, V. A. (Ed.). (2012). *Programmy po literature: 5–9 kl.* [Curricula for literature lessons: 5th–9th grades]. Moscow: OOO "TID «Russkoe slovo — RS". (In Russian).

Miller, O. (1886). Zhenskie obrazy u Turgeneva [Turgenev's female images]. In O. Miller. *Russkie pisateli posle Gogolia: Chteniia, rechi i stat'i Oresta Millera* [Russian writers after Gogol: Readings, articles and speeches of Orest Miller] (Part 1). Saint-Petersburg: N. P. Karbasnikov. (In Russian).

Motsarev, I. T. (1959). Novye knigi po Turgenevu [New books about Turgenev]. *Literatura v shkole* [Literature in school], *1959*(4), 80–82. (In Russian).

Nikonova, O. (2005). Zhenshchiny, voina i «figura umolchaniia» [Women, war and aposiopesis ("becoming silent")]. *Neprikosnovennyi zapas* [NZ: Debates on politics and culture], *2005*(2–3). Retrieved from http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ni32-pr.html. (In Russian).

Papernyi, V. (1985). *Kul'tura "Dva"* [Culture "Two"]. Ann Arbor: Ardis. (In Russian).

Ponomarev, E. R. (2010). Chemu uchit uchebnik [Which does the textbook teach?]. *Neva*, *2010*(2). Retrieved from http://magazines.russ.ru/neva/2010/2/po17.html. (In Russian).

Ponomarev, E. R. (2014). Obshchie mesta literaturnoi klassiki [Common places in classical literature]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary observer], *2014*(2). Retrieved from magazines.russ.ru/nlo/2014/126/18p.html. (In Russian).

Ponomarev, E. R. (2014). Vospitanie novykh liudei. Metodika novykh liudei. Metodika prepodavaniia v sovetskoi shkole 1930-kh gg. [Education of new people. Methods for creating new people. Methods of teaching in the Soviet school of the 1930s]. *Detskie chteniia* [Children's readings], *5*(1), 95–121. (In Russian).

Prilezhaeva, M. P. (1973). Iunost' Mashi Stogovoi [Masha Stogova's youth]. In M. P. Prilezhaeva. *Sobranie sochinenii* [Collected works] (Vol. 1), 145–387. Moscow: Detskaia literatura. (In Russian).

Programmy dlia srednei shkoly. Literatura (1965). [Curricula for high school. Literature]. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian).

Programmy srednei shkoly. Literatura (1967). [Curricula for high school. Literature]. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian).

Programmy srednei shkoly. Literatura: VIII–X kl. (1939). [Curricula for high school. Literature: VIII–X grades]. Moscow: Narkompros RSFSR. (In Russian).

Programmy srednei shkoly. Literatura: VIII–X kl. (1953). [Curricula for high school. Literature: VIII–X grades]. Moscow: Uchpedgiz. (In Russian).

Pumpianskii, L. V. (2000). Romany Turgeneva i roman "Nakanune" [Turgenev's novels and the novel "On the Eve"]. In L. V. Pumpianskii. *Klassicheskaia traditsiia: sobranie trudov po istorii russkoi literatury* [The classical tradition: Collection of writings on the history of Russian literature], 381–403. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian).

Pustovoit, P. (1968). Pevets russkoi zhenshchiny [Minstrel of the Russian woman]. *Sovetskaia zhenshchina* [Soviet woman], *1968*(11), 10–11. (In Russian).

Rozenblium, O. (2013). Zoia Kosmodem'ianskaia: evoliutsiia "geroia" kak "kul'turnogo geroia" v 1940-e gg. [Zoya Kosmodemyanskaya: the evolution of the "hero" as "cultural hero" in the 1940s.]. *Detskie chteniia* [Children's readings], *3*(1), 135–147.

Semenov, M. (1962, August 3). Irinka sdaet ekzameny [Irina takes exams]. *Ogonek* [Flicker], 30–31. (In Russian).

Shashkov, S. S. (1898). *Istoricheskie sud'by zhenshchiny, detoubiistvo i prostitutsiia. Istoriia russkoi zhenshchiny* [Historical destinies of women, prostitution and infanticide. History of the Russian woman]. Saint-Petersburg: Izdanie O. N. Popovoi. (In Russian).

Shatskaia, E., Rybitskaia, N. (2007). *Muzhchinopriobretenie: Posobie po zavoevaniiu i uderzhaniiu muzhchin* [Manacquisition: The handbook of capturing and retaining men]. Moscow: AST. (In Russian).

Shcherbina, V. (1943). Khozhdenie po mukam [The Road to Calvary]. *Novyi mir* [New world], *1943*(5–6), 158–181. (In Russian).

Sholokhov-Siniavskii, G. (1954). *Bespokoinyi vozrast* [A restless age]. Rostov-on-Don: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian).

Skitalets, S. G. (1968). Stat'ia S. G. Skital'tsa o Turgeneve [S. G. Skitalets' article about Turgenev]. *Russkaia literatura* [Russian literature], *1968*(4), 73–80. (In Russian).

Slavnikova, O. (2002). Rendez-vous v kontse milleniuma [Rendez-vous at the end of millennium]. *Novyi mir* [New world], *2002*(2). Retrieved from http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/2/slav.html. (In Russian).

Slovtsova-Kamskaia, E. (1990). *Liubov' ili druzhba?* [Love or friendship?]. Perm: Permskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian).

Smirnov, I. K. (1968) Literaturnye ekskursii deviatiklassnikov po Orlu [Literary tours in Orel for ninth grade students]. *Literatura v shkole* [Literature in school], *1968*(5), 69–72. (In Russian).

Sokolov, B. M. (1920). Muzhiki v izobrazhenii Turgeneva [Turgenev's depiction of peasants]. In I. Rozanov, M. Sokolov (Eds.). *Tvorchestvo Turgeneva* [Turgenev's oeuvre], 194–233. Moscow: Zadruga. (In Russian).

Svin'in, V. F., Oseev, K. A. (Eds.) (2007). *Stalinskie premii: dve storony odnoi medali: Sbornik dokumentov i khudozhestvenno-publitsisticheskikh materialov* [Stalin prizes: two sides of the same coin: Collection of documents and artistic and journalistic materials]. Novosibirsk: Svin'in i synov'ia, 2007. (In Russian).

Svobodin A. (1961). Turgenevskaia devushka [Turgenevian girl]. *Sovetskaia zhenshchina* [Soviet woman], *1961*(7)*,* 31. (In Russian).

Taubkin, D. (2005). Minulo shest'desiat let… [Sixty years have passed]. *Mishpokha* [Family], no. 16, 85-95. (In Russian).

Tseitlin, A .G. (1958). *Masterstvo Turgeneva-romanista* [Mastery of Turgenev as a novelist]. Moscow: Sovetskii pisatel'. (In Russian).

Turgenev, I. S. (1980). Asia [Asya]. In I. S. Turgenev. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Collected works and letters] (Vol. 5), 149–195. Moscow: Nauka. (In Russian).

Vasil'ev V. K. (2011). I. S. Turgenev i ego geroi v svete utopii i antiutopii [I. S. Turgenev and his heroes in the light of utopia and dystopia]. In N. V. Kovtun (Ed). *Russkii proekt ispravleniia mira i khudozhestvennoe tvorchestvo XIX–XX vv.* [The Russian project of repairing the world and XIX–XX century art], 65–84. Moscow: Flinta. (In Russian).

Vestnik russkogo studencheskogo khristianskogo dvizheniia (1931). Tret'ia konferentsiia devich'ei druzhiny [The third conference of maiden squad]. *Vestnik russkogo studencheskogo khristianskogo dvizheniia* [Herald of the Russian Student Christian Movement], *1931*(7), 30–32. (In Russian).

Vishnevskaia I. (1979). Na vstreche s Turgenevym [At a meeting with Turgenev]. *Iskusstvo kino* [Film Art]*, 1979*(11), 27–39. (In Russian).

Volokh T. (1963). Vmesto svoeobraziia — triukachestvo [Clownery instead of originality]. In *Raduga* [Rainbow]*, 1963*(9)*,* 169–172. (In Russian).

Vorob'ev P. G. (1968). *Rasskazy I.S. Turgeneva v shkole* [The study of I. S. Turgenev's stories at school]. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian).

Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (2003). Gosudarstvennoe konstruirovanie gendera v sovetskom obshchestve [State construction of gender in Soviet society]. *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki* [Journal of Social Policy Studies]*, 2003*(3/4), 299–321. (In Russian).

Zerchaninov A. A., Raikhin D. Ia., Strazhev V. I. (1949*). Russkaia literatura: Uchebnik dlia IX klassa srednei shkoly* [Russian literature: Textbook for high schools (grade IX)], 3rd ed. Moscow: Uchpedgiz. (In Russian).

Zernova R. A. (1967). Solnechnaia storona [Sunny side]. *Zvezda* [Star]*, 1967*(9), 23-97. (In Russian).

Zhukhovitskii L. A. (1988). Trubach na ploshchadi [The trumpeter on the square]. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).

Vasilyeva, E. V., Kozlova, A. V. (2016). Turgenevian girls: Socio-educational manipulations of common places from Turgenev's works in Soviet and post-Soviet culture. *Shagi / Steps, 2*(4) 173–203